

Русские в Курземском мешке

Борис Инфантьев

Один из популярнейших современных латышских писателей, проживающий ныне в Америке Дзинтар Содум (род. 1920), в своих автобиографических романах, так же как и многие другие латышские писатели, определенное место отводит тем русским людям, с которыми ему приходилось встречаться в Латвии, в том числе и в Курземском Мешке, где он ожидал того вожаемого момента, когда удастся на лодке перебраться в свободную землю Швеции. Образы русских, с которыми ему пришлось встретиться здесь, в Мешке, до того рельефны, что ни в каких пояснениях и комментариях не нуждаются.

Стр. 300.

Русские партизаны с автоматом под мышкой, не обращая внимания на окружающих, в круглых кожаных шапках, нахлобученных на затылок, вторглись в комнату беженцев, и от туда послышались их крики:

— Руки вверх! Руки вверх!

Следующая пара партизан вошла в кухню, быстрой рысью вбежала в хозяйскую половину. Четверо других встали в дверях и с интересом рассматривали кухню.

В комнату беженцев вошли двое партизан, выгнали в кухню жильцов комнаты, сидевших за праздничным столом. «Единственный» (так в романе автор называет сам себя, — *Б.И.*) поднял руки, и партизан принялся ощупывать его карманы. Также к голой спине Скайдрите (то есть к ее декольте, — *Б.И.*) один из стоящих

у дверей партизан приставил дуло автомата, она тоже подняла руки.

Партизан нашел в кармане «Единственного» фонарь — ручное динамо, похожее на металлическое яйцо (недавно сконструированное в Италии), — который приводился в действие давлением ладони. Русский думал, что это ручная граната и собрался выбросить ее в окно. Когда «Единственный» возразил, другой русский взял фонарь, стал его щупать и поворачивать. «Единственный» показал, как осуществить нажим динамо. Окружавшие его русские бросились в укрытие. Фонарь зашипел и дал свет. Поняв, что это за штука — не надо батареек, а светит, русский с усмешкой похлопал «Единственного» по плечу:

— Вот хороший парень, носит в кармане именно то, что нужно партизану.

Ушедшие на хозяйскую половину двое партизан выгнали на кухню хозяйку с детьми. Партизан придвинул плетеный стул, и она села, держа на коленях младшего ребенка. Остальные дети теснились вокруг нее. Старший сын стоял за стулом матери, руками обхватив спинку стула, и его светлые волосы куце вздымались вверх. Лицо матери было белым, как льняное полотно. Она молчала, когда русский спрашивал, куда ушел лесник.

Вошел партизанский атаман — под каждой подмышкой по автомату и сумка с картами сбоку. Две партизанки сопровождали болотного вольного господина. Старшая — с осповатым лицом и с отрубленным или от-

резанным ухом. Вторая — мягкая, сладкая, в широких армейских галифе. За ними — молодые и старые партизаны: русские, монголы, татары, киргизы, туркмены, узбеки, таджики. Для этого похода были собраны силы широкой округи. В комнате распространился запах болота и хвойного дыма.

Атаман посмотрел на девятерых беженцев:

— Откуда вы? — спросил он.

— Из Риги. Художники, — отвечала госпожа Коцинь на хорошем русском языке, как обучавшаяся в свое время в гимназии русских аристократов. Ее муж был полковником Латвийской армии и в свободное от домашних работ время писал романы.

— Почему не остались в Риге, когда Советская Армия ее освободила?

— Немцы выгнали. Ничего, скоро вернемся обратно.

— Знаем, знаем, — он процедил сквозь зубы. — В Швецию хотите бежать, голубчики! Но останетесь тут и будете нашими.

Беженцы молча смотрели в пол, в стену. Один партизан в вещах «Эго» (так тоже автор называет себя, — Б.И.) отыскал карту дорог Латвии. Он принес ее показать атаману.

— Кому принадлежит эта карта? — спросил атаман.

— Мне, — отвечал Эго.

— Офицер? — спросил атаман у госпожи Коцинь.

— Это туристическая карта, — отвечала она. — У нас здесь нет военных.

— Туристическая карта! — воскликнул атаман. Ему показалось удивительным, что средства расходуются на печатание туристических карт.

— Вы хорошо говорите по-русски, — сказал он госпоже Коцинь. — Где вы учились?

Госпожа Коцинь назвала школу. Затем атаман поведал, что сам он родился на Украине... Партизаны показали ему на комнату лесника, и он поспешил туда.

Оба стража вели обысканным беженцам сесть рядом на кухонную скамейку и держать руки поднятыми вверх. Один из них быстро отправился в комнату беженцев, где уже несколько партизан как бы искали оружие. Оставшийся страж беспокойно ерзал, направив дуло автомата на пленников. Ему тоже хотелось в комнату посмотреть, что хорошего люди везли так далеко.

Язеп (один из беженцев, — Б.И.) начал говорить со стражем:

— Руки устают. Пусть разрешит держать руки на затылке.

Страж сказал:

— Нет.

Глаза его вращались. Несколько партизан тащили с чердака в деже засоленную буханку хлеба, в корзинах куски копченого мяса и колбасы. Татарин принес мешок муки и хвалился, что он его нашел: был спрятан. Русские смеялись над ним: дурак, сам пусть несет мешок всю лесную дорогу до землянки. Вот тебе блины!

Страж поймал мимо бежавшего коллегу, гаркнул, чтоб тот постоял за него, а сам быстро отправился в комнату беженцев. Пока новый страж ругался, смотря в двери комнаты беженцев, сидящие на скамейке пленники сложили затекшие руки на затылке. В комнате беженцев раздались громкие резкие крики. Поссорились из-за какой-то понравившейся вещицы. Желтый монгол с разбитым в кровь носом, получивший мощный удар размокшим сапогом, вылетел из комнаты беженцев в кухню.

Двое русских остановились, смотрели на девушек и смеялись, явно выражая свои чувственные желания. Раздался окрик. Одноухая партизанка не допускала разврата. Оба «кавалера» бросились вон. Пришел атаман и, повысив голос, сказал беженцам:

— Это вам наука! Поняли? До утра никто не смеет оставлять дом. Кто выйдет, того застрелят. Запрещено сообщать немцам. Благодаря моему мягкому сердцу я вас не беру с собой.

Три партизана ввели в кухню лесника. Широко раскрыв немного затуманенные рождественским пивом соседа глаза, он посмотрел на свой развороченный дом.

Атаман криком сразу же созвал свое войско. Оно спустилось с чердака, вылезло из комнат, кладовой, погреба, из шкафов и комодов. Тяжело обвешанные, они обступили лесника и радостно переключаясь, стали выходить. Сын лесника пошевелился, как бы хотел бежать к дверям. Страж ему пригрозил, подняв дуло пистолета.

— Этого возьмем с собой? — спросил страж атамана.

— Э, пусть остается на семью, — размахисто махнул тот рукой.

Оставшиеся двое партизан и сами поспешили уйти. Полуметровый слой хлама покрывал пол комнаты беженцев: солома из постели, одежда, разбросанные вещи, лужа брусничного варенья и обгрызенные кости оленя. Золотистый мешочек Силвии тоже исчез... Беженцы выкапывали из мусора вещи, складывали и пытались угадать, кому что принадлежало.

Не всегда встречи с бывшими красноармейцами для латышских беженцев, пытавшихся на лодках перебраться в Швецию, оказывались сопряжены с такими весьма драматичными эпизодами. Иногда встречи происходили весьма миролюбиво. Все зависело от того, насколько умело латыши сами начинали такие непредвиденные встречи. (Б.И.)

Стр. 324.

Трое молодых красноармейцев, сгрудившись, стояли посередине кухни и наблюдали за пятью (беженцами, — Б.И.), как бы не понимая, что делать. У всех троих были одинаковые круглые, румяные, деревенские лица, на голове пилотка, на плечах ватники, на шее русские автоматы.

Знатен(хозяин усадьбы, — Б.И.) пришел в себя первым. Бодро по-русски сказал «добрый вечер», сел за стол и начал сворачивать «козью ножку». Русские тоже уселись. Положив автоматы на колени, двое из внутреннего кармана вынули каждый свою жестяную конфетную коробку с зернами махорки, насыпали в клочок газеты и начали сворачивать. Русский спросил, кто эти пятеро? Знатен по-русски рассказал, что они сбежали от немцев из-под ареста. Красноармеец вытащил карту и стал расспрашивать, в каких лесных усадьбах размещены немцы и какие части леса окружены. Сегодня у них был трудный день. Наташа из их землянки напоролась на немецкую цепь. Отстреливаясь, бежала, пока загнанная не была убита прикладами.

Выкурив махорку, русские поднялись, пожелали успеха и поспешно ушли.

Советские порядки в Курземском Мешке отставали не только оставшиеся красноармейские подразделения, или части регулярной армии, в какой-то мере имевшие или уже потерявшие связь с командованием, или даже прямые дезертиры, но и латыши из бывшей местной партийной и административной номенклатуры.

Через совсем непродолжительное время

«изба лесника» снова была удостоена посещения — на сей раз другим командиром. (Б.И.)

Стр. 339.

Как только айзсарги на один день отлучились, вечером появился другой атаман, не тот, что тогда был в доме лесника. Назвал даже свое имя: Федя. Самый сильный и могущественный из всех партизан. Мы опять сидели с поднятыми руками, и бойцы Феди искали наше спрятанное оружие. На сей раз были вконец изголодавшиеся новички. Брали даже одеяла. Сильвия отставала свое теплое широкое одеяло. Когда русский его взял, она вцепилась в другой конец и рвала из рук русского. Партизан скользил по полу и ругался. Но он был сильнее. И это не все. На другой день пришли немцы по следам Феди. Двое «проверяли» хозяйскую клеть. Там лежал и кусок нашего оленя, которого выменял Язеп. Немцы все же конфисковали только половину оленя.

Стр. 347.

Виргис открыл двери землянки. Старший лейтенант Федя во всех погонах сидел у «чугунки». На одной постели отлеживался его дедушка, на второй — молодой паренек — чистильщик ремней. Сегодня утром бурбульцы (латышская полиция, действовавшая под руководством немецкого командования, — Б.И.) увезли всех троих, чтобы сдать немцам.

Немцы отдали Федю власовцам. У них своя единица охраны в соседней волости. Они берегут Федю, как героя. Он уже вместе с власовцами ходит собирать «пошлину». Те же самые киргизы и татары днем — с власовцами, ночью — партизанят. Кое-кто стал уже миллионером. По ночам беженцев очищают от колец, ожерелий, шуб, царских золотых монет. Днем от свинок и овец. У такого может быть полный воз, и он нанимает нескольких монголов, которые охраняют его имущество.

А Федя обещает с Бурбулиса живого содрать кожу, как только его поймает. А Бурбулис теперь великий. Немцы теперь ему доверяют. Дали ему кусок берега охранять. Лодки опять смогут прибывать.

Насилие и грабеж, чинимые советскими партизанами, не вызывают у автора романа гнева и ненависти. Скорее, нотки юмора чувствуются в его рассказах. Но это уж особенность его творчества, как об этом было уже сказано. (Б.И.)